

Н. С. Конева

ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАТЕГОРИИ «ИММУНИТЕТ»

N. S. Koneva

SEPARATE METHODOLOGICAL FEATURES OF THE STUDY SECTORS LEFT BELONGING TO THE CATEGORY «IMMUNITY»

В статье рассматриваются вопросы понятия и особенностей конституционно-правовых иммунитетов главы государства, депутатов законодательных (представительных) органов, судей и иных представителей государственной власти в Российской Федерации. Проводится сравнительно-правовое исследование особенностей использования категории «иммунитет» в рамках различных отраслей национального права. С позиций современного методологического подхода исследуются отраслевые особенности конституционно-правовых иммунитетов. Обосновывается мнение, что содержательно категорию «иммунитет» образуют две составляющие — неприкосновенность и неотвечественность.

Ключевые слова: иммунитет, неприкосновенность, неотвечественность.

The article discusses the concept and features of constitutional and legal immunities of the President, deputies of legislative (representative) bodies, judges and other representatives of state power in the Russian Federation. A comparative legal study of the characteristics of the use category of «immunity» in the various branches of national law is conducted. The methodological approach examines industry-specific features of constitutional and legal immunities. The view that meaningful category of «immunity» is formed by two components — the person and nonaccountability is substantiated.

Keywords: immunity, inviolability, nonaccountability.

Вопросы отраслевой принадлежности правовых категорий, институтов — с одной стороны, затрагиваются весьма часто, с другой — нередко остаются недостаточно разработанными, обозначенными только фрагментарно или поверхностно, поскольку авторов более увлекает раскрытие особенностей таких категорий, их специфики. Однако это не подменяет собой исследования отраслевых особенностей.

Одной из важнейших проблем современной науки конституционного права следует назвать недостаточное внимание к вопросам использования понятийно-категориального аппарата [13; 32; 33]. Вместе с тем, известно, что именно специфичная система категорий служит каркасом каждой науки, во многом определяя ее особенности, отличающие ее от других наук. При этом важно подчеркнуть следующее. Поскольку на протяжении

всего развития государственных институтов смысл и содержание тех или иных правовых категорий не оставались неизменными, необходимо не только анализировать сущность правовых понятий, но и отслеживать его эволюцию и определять, какой смысл в него вкладывали зарубежные и отечественные правоведы на различных этапах развития государственности. «Знание взглядов отечественных государствоведов и конституционалистов, творивших в различные периоды российской истории, — справедливо отмечает И. А. Кравец, — помогает лучше понять проблемы правового и конституционно-развития страны в ретроспективном плане, осмыслить задачи современного конституционного строительства, провести параллели между действовавшими и существующими конституционно-правовыми институтами для установления взаимосвязи, преемственности или

разрыва правовой традиции, а также определить линию прогресса в развитии различных форм и видов конституционных учреждений» [19; с. 245].

На наш взгляд, предметом исследования должны являться также и вопросы происхождения того или иного термина, поскольку любой юридический термин представляет собой название соответствующего понятия в области юриспруденции. Очевидно, что вопросы терминологии должны рассматриваться отдельно (самостоятельно), так как термины нельзя отождествлять с правовыми понятиями: понятие, представляя собой логически оформленную общую мысль о классе предметов, явлений, идею чего-нибудь [31; с. 559], является категорией логики, в то время как слово «термин» относится к числу категорий лингвистики и основное его назначение — дать наименование соответствующему понятию [8].

Проанализировав нормы международного права, можно сделать вывод об активном и традиционном использовании термина иммунитет в международных договорах, в том числе, обязательных для Российской Федерации. Дипломатический иммунитет базируется на международно-правовых принципах невмешательства во внутренние дела, межгосударственного сотрудничества и экстерриториальности [7; с. 48]. Речь в перечисленных документах идет о «дипломатических иммунитетах и привилегиях», «привилегиях и иммунитетах дипломатических представителей» и т.п. Как правило, эти термины являются собирательными и обозначают личную неприкосновенность членов дипломатического персонала и неприкосновенность служебных и жилых помещений, находящегося в них имущества, архивов, официальной переписки, а также иные иммунитеты и привилегии.

Однако если для международного права термин иммунитет является традиционным и устоявшимся, то российский законодатель не считает необходимым вводить указанную терминологию во внутреннее законодательство, хотя соответствующий институт предусматривает, обозначая его термином «неприкосновенность».

Так, о неприкосновенности члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации речь идет в ст. 98 Конституции Российской Федерации, в ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации» [24; 30]. Ст. 91 Конституции Российской Федерации закрепляет положение: «Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью». Ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» имеет название «Неприкосновенность Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий» [25].

Отсутствие в российском законодательстве термина «иммунитет», а значит и его легального (нормативного) определения, создает ряд сложностей в процессе исследования института правового иммунитета, поскольку, как справедливо отмечает Н. А. Богданова, позиция законодателя привносит нормативную логику в понятийный аппарат науки [3; с. 149]. При этом содержание понятий науки должно отражать формулы закона, а понятийные ряды воспринимать последовательность норм в правовом институте. Можно сделать вывод, что эти требования в отношении правовых иммунитетов нарушены: при традиционном использовании термина в науке, в законодательстве он практически не встречается.

Исключение составляют постановления Конституционного Суда Российской Федерации. Предметом рассмотрения в Конституционном Суде явились нормы, касающиеся отдельных видов неприкосновенности, установленных российским законодательством — неприкосновенность депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, неприкосновенность депутатов законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации, неприкосновенность судей [26—28]. В ходе рассмотрения дел Конституционный Суд использовал термин «иммунитет» и обозначил его существенные признаки. Однако, как отмечает О. Е. Кутафин, «акты Конституционного Суда, которые не создают правовых норм, не могут рассматриваться в качестве источников конституционного права, хотя они, как и все другие правовые акты, обязательны для исполнения» [20; с. 146]. Поскольку в ходе толкования не создается право, а лишь выявляется, устанавливается государственная воля, выраженная в нормативном акте, важно проводить четкую грань между разъяснением уже существующих норм и созданием новых правовых установлений [21; с. 223]. Очевидно, что утверждать, что в актах Конституционного Суда Россий-

ской Федерации содержится легальное определение термина иммунитет нельзя, это правовая позиция Конституционного Суда.

Из буквального толкования Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации следует, что, во-первых, Конституционный Суд Российской Федерации в принципе отождествляет понятия «иммунитет» и «неприкосновенность», употребляя их как синонимы, во-вторых, не дает определение понятия «неприкосновенность», разъясняя лишь отдельные его признаки, хотя и существенные, но не раскрывающие сущность этой правовой категории.

Так, Конституционный Суд называет неприкосновенность члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы (парламентский иммунитет) одним из основных элементов статуса парламентария, важнейшей правовой гарантией его деятельности. Кроме того, Судом определяется цель предоставления иммунитета депутатам — обеспечение основ конституционного строя, связанных с осуществлением народовластия (ст. 3 Конституции Российской Федерации), с разделением властей и самостоятельностью органов законодательной власти (ст. 10 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, все же косвенное нормативное закрепление отдельных признаков правового иммунитета, в совокупности дающих представление о назначении и функциях иммунитетов, можно обнаружить в ряде актов Конституционного Суда Российской Федерации. Между тем, прямого целостного нормативного определения правовых иммунитетов в законодательстве не содержится, исходя из чего, можно сделать вывод, что правовой иммунитет — доктринальная категория, выведение признаков которой из законодательства возможно лишь посредством толкования.

И хотя, как полагает Н. А. Богданова, отделение понятий науки от понятий закона — явление допустимое, связанное с различием функций науки и отрасли, а также со своего рода консерватизмом науки, ее нежеланием отказываться от уже сложившихся понятий (даже если они и получили в теории и практике новую интерпретацию) [3; с. 150], это явление, на наш взгляд, должно быть оценено негативно.

Использование российским законодателем термина «неприкосновенность» для обозначения института правового иммунитета вызывает вопрос о соотношении понятий «иммунитет» и «неприкосновен-

ность». По этому вопросу в науке конституционного права нет единства мнений.

Преобладающей в науке является позиция, согласно которой понятия «иммунитет» и «неприкосновенность» тождественны (среди авторов, придерживающихся этой точки зрения С. А. Авакьян, А. А. Безуглов, М. Журавлев, А. В. Малько, В. А. Рощин, С. Ю. Суменков, В. А. Терехин) [2; с. 63; 9; 16, с. 253; 23; 34; 37]. А. Д. Бойков в основном придерживается такой же позиции и, хотя не указывает прямо на тождественность этих понятий, но отмечает, что «юридический иммунитет связан с понятием неприкосновенности ...» [4; с. 159].

Необходимо проводить разграничение понятий «иммунитет» и «неприкосновенность». В частности такое разграничение было проведено В. И. Рудневым, который отмечает, что иммунитеты в уголовном процессе представляют собой «дополнительные гарантии неприкосновенности и ответственности, связанные с установленным порядком производства следственных и процессуальных действий» [35; с. 28]. Аналогичной позиции придерживаются авторы Словаря по конституционному праву, считающие, что парламентский иммунитет, будучи отражением принципа разделения властей, включает парламентскую ответственность и неприкосновенность [16; с. 118; 15, с. 180; 17, с. 443—445].

Ряд авторов, которые проводят подобное разграничение, справедливо полагая, что указанные понятия не совпадают по объему, в то же время не предлагают четких критериев их различения, допуская подмену терминов и объединение различных категорий.

Чем же тогда отличается правовой иммунитет от льгот, привилегий и гарантий, предусмотренных законодательством для беспрепятственного и эффективного осуществления депутатом своих полномочий как представителя народа. На наш взгляд, подобное широкое понятие правового иммунитета (как совокупности всех льгот, привилегий и преимуществ, предоставляемых определенным субъектам права) не является научно корректным и практически эффективным.

По нашему мнению, конституционно-правовой иммунитет — это самостоятельный правовой институт, совокупность норм, освобождающих конкретно установленных в нормах Конституции и законах лиц от выполнения отдельных юридических обязанностей и ответственности, устанавливающих особые, усложненные и отличные от общих правовые процедуры

привлечения к ответственности в целях обеспечения выполнения этими лицами соответствующих государственных и общественных функций.

Содержание правового иммунитета включает два элемента: неотвеченность и неприкосновенность.

Неприкосновенность представляет собой усложненный порядок привлечения к ответственности определенных лиц (например, действующее законодательство не освобождает судей от уголовной ответственности, но содержит усложненный порядок возбуждения дел, предъявления обвинения, заключения под стражу). Неприкосновенность имеет цель защитить лицо (депутата, судью, главу государства) от каких-либо преследований со стороны судебных властей за действия, акты, совершенные им вне исполнения своих функций.

Такое понятие неприкосновенности как элемента правового иммунитета, полагаем, согласуется с общим понятием неприкосновенности личности, которое, в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 22), означает запрет произвольного задержания, ареста, заключения под стражу и содержания под стражей, возможность совершения этих действий только с соблюдением установленного законом порядка по судебному решению. Суждения, связывающие понятие неприкосновенности отдельных лиц (депутатов, судей, главы государства) с общим пониманием неприкосновенности личности неоднократно высказывались в литературе. А. В. Малько и С. Ю. Суменков полагают, что правовая неприкосновенность выступает как особая разновидность неприкосновенности личности [23; с. 16]. Б. С. Эбзеев, комментируя постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г. № 5-П, считает, что в Постановлении проведена дифференциация конституционных гарантий неприкосновенности личности на общие гарантии неприкосновенности личности, распространяющиеся на каждого человека, включая парламентария, и гарантии более высокого уровня, обусловленные особым статусом парламентария [12; с. 482]. Подобные гарантии более высокого уровня могут быть обозначены как специальная, либо повышенная неприкосновенность [18; с. 136], которая дополняет общегражданскую неприкосновенность (ст. 22, 23, 25 Конституции России). Необходимость обеспечения повышенной неприкосновенности выражена точно, на наш взгляд, в позиции С. А. Авакьяна: «...если и по отношению к

обычному человеку следует всесторонне проверять основания привлечения к ответственности, то по отношению к депутату это надо делать еще более глубоко и основательно» [1; с. 246].

Кроме обеспечения особого, усложненного порядка привлечения к ответственности, правовой иммунитет в ряде случаев вообще освобождает определенные категории лиц от выполнения отдельных юридических обязанностей и ответственности, соответственно в данном случае речь должна идти о неотвеченности. При выделении такого элемента как неотвеченность следует иметь в виду, что объем (пределы) неотвеченности могут различаться в зависимости от конкретного вида правового иммунитета. Судейский иммунитет включает в себя неотвеченность за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ч. 2 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 года «О статусе судей в Российской Федерации»). Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, согласно ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий Президента Российской Федерации [25]. В отношении депутатов неотвеченность означает недопустимость преследования депутата за высказанное им мнение, позицию, в том числе и при голосовании, если это мнение не содержит публичного оскорбления или нарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законодательством [10; с. 24].

Возможно, на первый взгляд, «неотвеченность» терминологически не совсем удачное обозначение соответствующего элемента правового иммунитета, поскольку в русском языке слово «неотвеченность» имеет такие синонимы, как безответственность, безнаказанность, привносящие негативный оттенок.

Можно предположить, что, желая избежать использования термина с негативной смысловой нагрузкой, некоторые авторы, рассматривая по существу неотвеченность, используют термин

«индемнитет». Следует отметить, что «индемнитет» (англ. indemnity, от лат. indemnitas — безущербность) — категория, используемая чаще всего применительно к депутатам, — определяется в юридических словарях как привилегия депутатов парламента, заключающаяся в их неответственности [5; с. 226]; как неответственность депутата за высказывания и иные действия при осуществлении своего мандата [15; с. 186]; как непривлечение к ответственности депутата за высказывания и действия, связанные с выполнением депутатских функций [16; с. 196]. Также категория индемнитет может использоваться применительно к судьям, и означать соответственно «...невозможность любых форм законного преследования судьи за мнения, выраженные им при выполнении своих должностных обязанностей...» [38; с. 112]. Полагаем, замена термина «неответственность» термином «индемнитет» не является научно корректной в силу ряда причин. Во-первых, эти категории не обязательно совпадают по объему. Например, согласно Закону Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», до внесения в него изменений, судья не мог быть привлечен к административной и дисциплинарной ответственности [29], то есть помимо освобождения от ответственности за высказанные мнения при осуществлении правосудия (собственно индемнитета), нормы закона предусматривали еще и неответственность в отношении указанных видов юридической ответственности. Более того, в отношении Президента Российской Федерации индемнитет вообще не выделяется, хотя объем элемента неответственности в содержании иммунитета главы государства, как будет показано далее, достаточно широк.

Во-вторых, индемнитет всегда предполагает отсутствие ответственности за те действия, которые непосредственно связаны с осуществлением лицом своих полномочий, и не содержат в себе состава правонарушения, поэтому индемнитет может быть ограничен от неприкосновенности именно по характеру действий, за которые лицо неответственно. В свою очередь, неприкосновенность и неответственность как элементы правового иммунитета разграничиваются, в первую очередь, по способу защиты лица, выполняющего значимые государственные и общественные функции: если действует принцип неприкосновенности — устанавливается особый усложненный порядок привлечения к ответственности (но от-

ветственность все же наступает); если действует принцип неответственности — лицо не несет юридической ответственности вообще.

Полагаем, в совокупности эти два элемента (неответственность и неприкосновенность) образуют содержание понятия «правовой иммунитет» [11; 14; 22; 36].

На наш взгляд, подобное мнение в принципе не противоречит позиции законодателя, что может быть продемонстрировано на примере депутатского иммунитета. Согласно ст. 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке; задержаны, арестованы, подвергнуты обыску (кроме случаев задержания на месте преступления) или допросу; подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей [24]. Мы считаем, что приведенные положения, означающие невозможность ареста депутата, привлечения его к уголовной ответственности и наиболее строгим мерам административной ответственности, налагаемым судом, без согласия представительного органа должны рассматриваться как неприкосновенность, поскольку эти нормы не означают освобождения депутата от юридической ответственности вообще, а лишь предусматривают особый порядок применения некоторых мер ответственности.

Неответственность как составная часть правового иммунитета члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы также предусмотрена названным законом. В п. 6 ст. 19 Закона закреплено положение, что член Совета Федерации, депутат Государственной Думы не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности за высказывание мнения или выражение позиции при голосовании и другие действия, соответствующие статусу члена Совета Федерации и статусу депутата Государственной Думы (если в связи с такими действиями не были допущены публичные оскорбления, клевета или иные нарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законом) [24; 30].

Косвенно такая позиция подтверждается Конституционным Судом Российской Федерации. Выше было отмечено, что Конституционный Суд России в большинстве случаев употребляет термины «иммунитет» и «неприкосновенность» как синонимы, не проводя между ними различия. Однако, в п. 3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г. № 5-П «О проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» Суд установил, что особый порядок привлечения депутата к уголовной или к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, составляет *одну из существенных черт* (выделено мной — Н. К.) парламентского иммунитета, что позволяет ставить вопрос о несопадении понятий «неприкосновенность» и «иммунитет» по объему. Конституционный Суд Российской Федерации прямого ответа на этот вопрос не дает, однако из приведенного положения следует, что поскольку особый порядок привлечения к ответственности — это хотя и существенная, но лишь одна из черт парламентского иммунитета, следовательно, понятие «иммунитет» шире по своему объему, и включает неприкосновенность как составную часть своего правового содержания.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель, предусматривая правовую неприкосновенность для некоторых категорий лиц, вкладывает в этот термин содержание, традиционно обозначаемое в юридической литературе как «правовой иммунитет». Вместе с тем, легального (нормативного) определения неприкосновенности в российском законодательстве не приводится. Учитывая сказанное, целесообразно, на наш взгляд, термин «неприкосновенность» в российском законодательстве заменить термином «иммунитет», а также закрепить в федеральном законодательстве признаки правового иммунитета отдельных категорий лиц, включающие в себя: основания предоставления правового иммунитета, цель предоставления, пределы и порядок лишения правового иммунитета.

Выделение неотвеченности и неприкосновенности как элементов правового иммунитета, на наш взгляд, является перспективным при определении степени обоснованности и целесообразности этого средства правового неравенства.

Представляется, что проблема определения критериев целесообразности установления правового иммунитета может быть конкретизирована как проблема выявления границ между необходимостью защиты определенных лиц и обеспечением принципа равенства граждан перед законом и судом. При этом основная сложность регулирования вопросов наделения правовыми иммунитетами заключается в том, что их установление относится к компетенции высших органов государственной власти. Другими словами, речь идет о необходимости установления пределов неприкосновенности и неотвеченности высшими органами и должностными лицами в отношении самих себя.

Полагаем, поскольку неотвеченность предполагает освобождение от юридической ответственности, пределы этого элемента правового иммунитета должны быть как можно более узкими и касаться лишь действий, связанных с осуществлением деятельности, и не содержащих в себе состава правонарушений. В свою очередь, неприкосновенность как особый, усложненный порядок привлечения к ответственности в силах обеспечить надлежащую правовую защиту лиц, выполняющих государственно и общественно значимые функции. Исходя из сказанного, наиболее обоснованным представляются те виды правовых иммунитетов, которые распространяют принцип неотвеченности на как можно более узкий круг действий лица, выполняющего государственно и общественно значимые функции, одновременно обеспечивая защиту этого лица с помощью принципа неприкосновенности.

Таким образом, очевиден вывод о существовании конституционно-правового иммунитета как самостоятельного правового института, отличительными признаками которого являются:

— круг субъектов, наделенных иммунитетом — это высшие должностные лица и члены высших органов государственной власти, обладающие конституционно-правовым статусом;

— цель предоставления, определяемая общими принципами и задачами конституционного права — обеспечение повышенной защиты указанных лиц при выполнении ими функций по осуществлению государственной власти;

— больший по сравнению с отраслевыми (например, с уголовно-процессуальным) объем содержания понятия «иммунитет», включающий два элемента — неотвеченность и неприкосновенность.

Определение конституционно-правового иммунитета через сочетание элементов неотвеченности и неприкосновенности позволяет, во-первых, выявить различные способы обеспечения повышенной правовой защиты определенных лиц (либо путем выведения лица из-под действия правовых норм об ответствен-

ности вообще, либо путем установления особого усложненного порядка привлечения к ответственности), во-вторых, является критерием определения обоснованности правового иммунитета и нахождения оптимального варианта его пределов.

Литература

1. Авакьян, С. А. Депутат: статус и деятельность / Авакьян С. А. — М., 1991.
2. Безуглов, А. А. Правовой статус советского депутата / А. А. Безуглов. — М., 1974.
3. Богданова, Н. А. Система науки конституционного права / Н. А. Богданова. — М., 2001.
4. Бойков, А. Д. Иммунитет депутатский / А. Д. Бойков // Прокурорская и следственная практика. — 1998. — № 1.
5. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2001.
6. Гранкин, И. В. Парламент России / И. В. Гранкин. — 2-е изд., доп. — М., 2001.
7. Даев, В. Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности / В. Г. Даев // Правоведение. — 1992. — № 3.
8. Деревнин, А. А. Юридические термины в праве // Академический юридический журнал / А. А. Деревнин. — 2001. — № 4 (6).
9. Журавлев, М. К вопросу правового иммунитета членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ / М. Журавлев // Уголовное право. — 2000. — № 1. — С. 88—93.
10. Захаров, И. В. Правовой статус депутата представительного органа местного самоуправления (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Захаров. — Екатеринбург, 2001.
11. Иоголевич, Н. И. Правовые иммунитеты и конституционный принцип равенства перед законом и судом / Н. И. Иоголевич, Н. С. Конева // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2012. — № 1. — С. 34—41.
12. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / отв. ред. Б. С. Эбзеев : в 2 т. — Т. 1: Государственная власть. Местное самоуправление. — М., 2001.
13. Конева, Н. С. Возможности метатеоретических исследований в современном конституционном праве России / Н. С. Конева // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2013. — № 6. — С. 4—14.
14. Конева, Н. С. Особенности иммунитетов в конституционном праве России / Н. С. Конева // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2014. — № 3. — С. 23—31.
15. Конституционное право : словарь / отв. ред. В. В. Маклаков. — М., 2001.
16. Конституционное право : энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. — М., 2001.
17. Конституция Российской Федерации: комментарий / под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М., 1994.
18. Кравец, И. А. Правовой статус депутатов Государственной Думы и выборных членов Государственного совета в свете теории народного представительства / И. А. Кравец // Журн. рос. права. — 2000. — № 8.
19. Кравец, И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики) / И. А. Кравец. — М. ; Новосибирск, 2002.
20. Кутафин, О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации / О. Е. Кутафин. — М., 2002.
21. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. — М., 2001.
22. Макарова, З. В. Категория «иммунитет» в конституционном праве России / З. В. Макарова, Н. С. Конева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. — 2012. — № 20 (279). — С. 94—99.
23. Малько, А. В. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты / А. В. Малько, С. Ю. Суменков // Журн. рос. права. — 2002. — № 2. — С. 16—23.
24. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» : Федеральный закон от 05.07.1999 г. № 133-ФЗ // СЗ РФ. — 1999. — № 28. — Ст. 3466.
25. О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи : Федеральный закон от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 7. — Ст. 617.
26. О проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994

- года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П // СЗ РФ. — 1996. — № 9. — Ст. 828;
27. О проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А. В. Барбаша: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П // СЗ РФ. — 1996. — № 14. — Ст. 1549.
28. О проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 года: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1995 г. № 16-П // СЗ РФ. — 1995. — № 50. — Ст. 4969.
29. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Рос. газ. — 1992. — 29 июля.
30. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 2. — Ст. 74.
31. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. — 23-е изд., испр. — М., 1991.
32. Окулич, И. П. Методологические аспекты современного конституционного права России: обзор подходов / И. П. Окулич, Н. С. Конева // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 12. — С. 19—23.
33. Окулич, И. П. Современное состояние науки конституционного права России: методологические аспекты / И. П. Окулич, Н. С. Конева // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2013. — № 2. — С. 4—11.
34. Рощин, В. А. За рамками правового поля. Что показал анализ Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» / В. А. Рощин // Журн. рос. права. — 2000. — № 4. — С. 89—91.
35. Руднев, В. И. Иммуниеты в уголовном судопроизводстве / В. И. Руднев // Рос. юстиция. — 1996. — № 8.
36. Сопельцева, Н. С. Иммуниеты в конституционном праве Российской Федерации / Н. С. Сопельцева. — Челябинск, 2004.
37. Терехин, В. А. Судейская дисциплина и ответственность — гарантия прав и свобод граждан / В. А. Терехин // Журн. рос. права. — 2001. — № 8. — С. 26—34.
38. Четвернин, В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию / В. А. Четвернин. — М., 1993.

КОНЕВА Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет. 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. E-mail: natalykoneva@yandex.ru

KONEVA Natalia Sergeevna, candidate of Law, associate professor, assistant professor of constitutional and administrative law South Ural State University. 454080, Chelyabinsk, Lenina ave., 76 E-mail: natalykoneva@yandex.ru

